

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственного управления и социальных
технологий Московского авиационного института
(национальный исследовательский университет),*

Россия, г. Москва

*кандидат социологических наук, доцент
кафедры государственного управления и социальных
технологий Московского авиационного института
(национальный исследовательский университет),*

Россия, г. Москва

РОЛЬ И МЕСТО УКРАИНЫ В ДИАЛОГЕ О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Основная цель исследования – анализ ситуации, сложившейся вокруг Украины после событий 2014 года, и ее влияния на стратегическую стабильность. Основные задачи: проанализировать донбасский конфликт и его значение для стратегической стабильности; определить роль и место Украины в поддержании стратегической стабильности для России и для Запада; оценить значение начатой в феврале 2022 г. специальной военной операции России на территории Украины.

Выводы: роль Украины в поддержании стратегической стабильности является для России значительно более критически важной, чем для Запада. Поэтому в борьбе за Украину Россия продемонстрировала готовность «повышать ставки» до высокого уровня. И теперь будущее стратегической стабильности зависит от исхода специальной военной операции.

Ключевые слова: *Россия, Запад, Украина, стратегическая стабильность, донбасский конфликт.*

Введение. На рубеже 2021/2022 годов резко активизировались попытки укрепить стратегическую стабильность в международных отношениях. В декабре Российская Федерация передала Западу проекты соответствующих документов. В январе началось их формальное обсуждение между Россией, с одной стороны, и США и НАТО – с другой, а также в рамках ОБСЕ.

Среди предложенных российской стороной гарантий безопасности значились обязательства по нерасширению Североатлантического Альянса за счет постсоветских стран, включая Украину, отказ НАТО от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также гарантии неразмещения ударных систем США вблизи российских границ. В то же время западная сторона, обнаружившая сосредоточение крупных воинских контингентов России вблизи от ее границы с Украиной, во главу угла переговоров ставила гарантии ненападения России на Украину, претендуя даже на контроль за перемещениями российских войск по своей собственной территории.

Кроме того, Россия обвинила некоторые страны Запада в нарушении обещаний, данных еще в начале 90-х годов руководителям СССР, но не закрепленных формально, о том, что после воссоединения Германии НАТО не подвинется «ни одного дюйма на восток». Именно поэтому РФ теперь категорически потребовала юридически закрепленных гарантий безопасности. Сейчас, когда границы НАТО приблизились к центру России, она считает, что дальнейшие уступки с ее стороны в сфере безопасности невозможны: в случае размещения ракет НАТО на Украине их полетное время до Москвы сократится до 7-10 минут, что не просто подорвет кризисную стабильность, но и поставит под угрозу существование России как независимого государства. Таким образом, как отмечал еще в 2009 г. американский политический аналитик Дж. Фридман, «если Россия не предпримет усилий для создания сферы влияния, Российская Федерация сама может распасться» и – поистине пророческие слова! – «вот почему будущие действия России будут казаться агрессивными, но на самом деле будут оборонительными» [11]. В идеале (объективно приемлемым и для Запада) с точки зрения поддержания стратегической стабильности Россия нуждается не в «восстановлении СССР» (что и невозможно, и нецелесообразно), а в создании на своих западных границах буферной зоны безопасности, частью которой должна была стать, и единая нейтральная Украина [3]. Однако решение этой задачи сильно затрудняла политика украинских властей.

Актуальность темы обусловлена ключевой ролью стратегической стабильности в проблеме выживания человечества. Как известно, практически все крупные вооруженные конфликты, в том числе обе мировые войны, возникли вследствие нарушения стратегической стабильности (в наиболее широком ее понимании), вызванной объективным изменением соотношения сил между великими державами соответствующего исторического периода. При этом одни из них пытались силой привести систему международных отношений в соответствие с этими изменениями, в то время, как другие стремились – также силой – этому воспрепятствовать и сохранить свои привилегии. Однако с появлением ядерного оружия человечество постепенно пришло к выводу о том, что в ядерной войне не может быть победителей,

и она никогда не должна быть развязана. Поэтому после распада СССР единственная оставшаяся в мире сверхдержава – США – начала, по оценке выдающегося российского философа и политолога А.С. Панарина, мировую войну за обладание ресурсами всей планеты [9. С. 6-7] преимущественно без прямого применения оружия. Тем не менее, конечная цель американской политики, если отбросить «словесную шелуху», мало отличалась от целей великих завоевателей прошлого. По выражению З. Бжезинского, она заключалась в том, чтобы узаконить «роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [2. С. 255].

Одним из основных препятствий на этом пути американская политическая элита по-прежнему считает Россию. Поэтому еще в конце XX века, задолго до того, как Россия начала «подниматься с колен», важной целью внешней политики США стало «сдерживание» России, чтобы не дать ей возможности превратиться, как писал Бжезинский, «в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу» [2. С. 115]. При этом, по его мнению, такой возможности Россию лишала, в первую очередь, потеря ею Украины [2. С. 115-116] – крупнейшей (после самой России) страны постсоветского пространства по численности населения.

Объект исследования данной работы – Украина как субъект и объект современных международных отношений. **Предмет исследования** – роль и место этого государства в обсуждении важнейшей проблемы – стратегической стабильности – между ключевыми международными акторами: коллективным Западом во главе со США с одной стороны и Российской Федерацией – с другой. **Основная цель исследования** – анализ ситуации, сложившейся вокруг Украины после событий 2014 года, и ее влияния на стратегическую стабильность. **Основные задачи**, вытекающие из цели исследования: проанализировать донбасский конфликт и его значение для стратегической стабильности; определить роль и место Украины в поддержании стратегической стабильности для России и для Запада; оценить значение начатой в феврале 2022 г. специальной военной операции России на территории Украины.

Теоретическая база исследования. Основной теоретической категорией данного исследования является «стратегическая стабильность». Как отмечает американский исследователь Дж. М. Эктон, «термин «стратегическая стабильность» используется в трех главных смыслах:

- в самом узком смысле стратегическая стабильность описывает отсутствие стимулов для применения ядерного оружия первыми (кризисная стабильность) и отсутствие стимулов для наращивания ядерных сил (стабильность гонки вооружений);
- в более широком смысле он описывает отсутствие вооруженного конфликта между государствами, обладающими ядерным оружием;

- в самом широком смысле он описывает региональную или глобальную среду безопасности, в которой государства поддерживают мирные и гармоничные отношения» [11. Р. 117-118].

Однако, на наш взгляд, последнее определение подразумевает некое «идеальное» состояние, недостижимое в реальной жизни, и подходит только для работ философского характера и для публицистики. Для конкретного политического анализа мы предлагаем определять наиболее широкое значение стратегической стабильности как устойчивое равновесие военных возможностей великих держав и их коалиций, удерживающее их от попыток решить свои противоречия путем прямого вооруженного противоборства.

В данной статье этот термин употребляется преимущественно в последнем и реже – в первом значении.

Главным средством поддержания стратегической стабильности выступают гарантии безопасности – вторая важнейшая категория данного исследования. Представляются в корне неверными теоретически и – в сложившейся в 2022 году обстановке – как минимум, сомнительными практически попытки отождествить эти два понятия друг от друга. Так, американский эксперт М. Кофман, комментируя начавшуюся дискуссию по российским предложениям, утверждал: «Главный вопрос – готова ли Россия разделить вопросы гарантий безопасности [такие, как отказ от расширения НАТО] и вопросы стратегической стабильности, вроде контроля за вооружениями и военными мероприятиями» [1] (обсуждать которые американское руководство согласно).

Степень разработанности проблемы. При анализе проблемы стратегической стабильности невозможно обойтись без идей, выдвинутых в фундаментальных трудах как американских [11], так и российских [9] политологов-теоретиков. Роль Украины в стратегии США на континенте Евразии рассматривается в известной книге одного из крупнейших американских политологов Збигнева Бжезинского [2]. Много внимания роли современной Украины в международных отношениях уделяет один из лучших американских политических аналитиков Джордж Фридман [3; 14; 15]. Если Бжезинский считал, что Украина нужна России для того, чтобы опять стать империей и бросить вызов американскому лидерству, то Фридман доказывал, что присутствие НАТО на Украине поставит под вопрос само существование российского государства, и был первым, кто донес эту мысль до англоязычных читателей. В монографии молодого польского ученого Я. Корэйбы [6] исследуется место России и Украины в европейской архитектуре безопасности. Последние события вокруг Украины породили множество публикаций различного уровня, из которых в данной работе использованы статьи американских авторов из авторитетного журнала «Foreign Affairs» [12; 13], а также заявления тех немногих западных экспертов, которые не побоялись выразить взгляды, альтернативные «мейнстриму», в основном демонизирующему Россию и ее руководство [10].

Использованные материалы и методы. Документальной основой статьи послужили официальные материалы, опубликованные как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Авторы также широко использовали статьи, обзоры и другие публикации, подготовленные журналами-международниками – как российскими, так и западными. Методологической базой исследования являются традиционные методы политической науки – диалектический, сравнительный, исторический, нормативный, системный, наблюдение и др. в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты. В 2014 году на Украине произошли события, которые Дж. Фридман охарактеризовал как организованный США «самый неприкрытый госпереворот в истории» [4]. В плане стратегической стабильности эти перемены в конечном счете привели к официальному отказу от внеблокового статуса и внесению изменений в преамбулу украинской конституции, закрепивших «необратимость европейского и евроатлантического курса Украины». После переворота на юге и востоке Украины, где преобладало русскоязычное население, начались массовые протесты. Новая киевская власть взяла курс на их силовое подавление руками ведущих происхождение от пронацистских коллаборантов периода второй мировой войны радикальных националистов, которые использовались по образцу латиноамериканских «эскадронов смерти». Население Крыма (где большинство составляли этнические русские) спаслось от радикалов, войдя в состав России. В некоторых местах, например, в Харькове, протесты были подавлены относительно бескровно, в других – например, в Одессе – с применением массовых убийств, которые радикалы снимали на видео и выкладывали в интернет, чтобы запугать несогласных. Однако, в донбасском регионе (Донецкая и Луганская области) это привело к противоположному результату – вооруженному восстанию и провозглашению на их территории независимых Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР), поддержанных Россией, хотя официально ею тогда и не признанных. На их подавление новая власть Украины направила не только вооруженные формирования радикальных националистов, но и регулярные войска. В феврале 2015 г. после ряда тяжелых поражений вооруженных сил Украины активная фаза боевых действий закончилась подписанием Минских соглашений об урегулировании конфликта. Эти соглашения предусматривали в конечном счете формальное восстановление украинского суверенитета над мятежными районами, но на условиях широкой автономии. Они приобрели обязательную юридическую силу после того, как Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, где одобрил этот документ, включив его текст в резолюцию в качестве приложения, и призвал все стороны обеспечить его полное выполнение [8]. Однако, хотя срок его выполнения истек еще в 2016 году, вооруженный конфликт в Донбассе продолжался до зимы

2022 года, хотя и в «вялотекущей» форме – с постоянными артобстрелами, но без крупных наступлений, что до последнего времени давало киевским властям надежду взять непризнанные республики Донбасса «измором», создав для их населения невыносимые условия существования.

При анализе донбасского конфликта необходимо учитывать, что, хотя его невозможно рассматривать вне контекста российско-украинских отношений, он не может считаться межгосударственным конфликтом между Россией и Украиной, как его пытались позиционировать киевское руководство, а с подачи последнего – и большинство западных политиков, исследователей и журналистов. Если бы это действительно было так, России с точки зрения стратегической стабильности было бы не о чем беспокоиться, поскольку в чисто военном отношении «российские вооруженные силы находятся в другой лиге по сравнению с украинскими» [12]. Что же касается политического аспекта, то, как отмечал еще до государственного переворота в Киеве Я. Корэйба, «в то время как Россия ... является субъектом и одним из главных действующих лиц... европейской системы безопасности, Украина – скорее объект политики внешних сил» [6. С. 130]. Поэтому на деле данный конфликт имел двухуровневую структуру.

На первом уровне его сторонами выступали нынешний киевский режим, пришедший к власти в феврале 2014 года в ходе государственного переворота, с одной стороны, и не признавшие переворота граждане Украины, самоорганизовавшиеся в органы власти, де-факто контролировавшие часть территории Донецкой и Луганской областей, – с другой. Именно такая конфигурация была зафиксирована в Минских соглашениях, подписанных представителями обеих сторон, взявших на себя соответствующие обязательства, а также представителями России и ОБСЕ. Таким образом, на этом уровне конфликт носил чисто гражданский, внутрисоциальный характер.

На втором уровне за каждой из непосредственных сторон конфликта стояли поддерживающие их внешние силы – Россия и выступающий единым фронтом «коллективный Запад» во главе со США, что выводит проблему безопасности на стратегический уровень. Для этих сил украинский конфликт – часть более общего политического конфликта между ними, в котором каждая из сторон преследует собственные цели. При этом относительная слабость России – прежде всего, экономическая – компенсируется несколькими факторами.

Во-первых, стратегический потенциал России фактически исключает применение против нее военных средств «сдерживания». Поэтому воевать с Россией за Украину Запад совершенно не готов, хотя там, безусловно, есть круги, стремящиеся к российско-украинской войне «до последнего украинца».

Во-вторых, Россия продемонстрировала неожиданную устойчивость к экономическим санкциям, которые оказались малоэффективным средством, неспособным повлиять на внешнеполитический курс страны –

во всяком случае, без перехода к самым радикальным мерам, которые могли бы подорвать стабильность мировой экономики в целом.

В-третьих, для России Украина имеет значительно большее стратегическое значение, чем для Запада. Поэтому в борьбе за Украину как фактор стратегической стабильности Россия, несомненно, готова «повышать ставки» до значительно более высокого уровня.

Дискуссия. К середине февраля переговоры между Россией и Западом зашли, по сути, в тупик. В конечном итоге российская сторона пришла к выводу, что в отсутствие готовности американской стороны договариваться о твердых, юридически обязывающих гарантиях обеспечения нашей безопасности со стороны США и их союзников Россия будет вынуждена реагировать, в том числе путем реализации мер военно-технического характера. Однако при этом неоднократно утверждалось, что российского вторжения на Украину нет и не планируется.

Когда западная разведка зафиксировала сосредоточение российских войск вблизи от украинской территории, в западном экспертном сообществе и СМИ развернулась дискуссия о том, пойдет ли все же Россия на военную операцию на территории Украины. Дж. Фридман после тщательного анализа этой проблемы (правда, проведенного еще до начала диалога по стратегической стабильности) пришел к следующему выводу:

С одной стороны: «Русские не могут позволить себе потерпеть поражение в своей попытке обезопасить Украину в нынешней геополитической реальности».

С другой стороны: «Полномасштабное вторжение на Украину слишком сложно и рискованно, чтобы его предпринимать».

Итак: маловероятно, что Россия вторгнется на Украину, «но я бы не дал голову на отсечение», что этого не произойдет [14].

Можно вслед за Фридманом предположить, что обнаруженные американскими спутниками российские силы первоначально сосредоточивались на украинской границе в целях сдерживания (или, в терминологии Фридмана, «блефа») и их реальное использование не планировалось. Но это не дало ожидаемого эффекта. В середине февраля украинские войска, стянутые к линии разграничения в Донбассе (около половины всех вооруженных сил страны), резко усилили активность. Массовые артобстрелы жилых кварталов и диверсионные акты вынудили власти непризнанных республик начать эвакуацию мирного населения в Россию и объявить всеобщую мобилизацию. В это же время президент Украины В. Зеленский прозрачно намекнул на намерение Киева обзавестись ядерным оружием. И он располагает достаточно серьезными возможностями в этом отношении.

По-видимому, именно это стало «последней каплей», вынудившей Россию перейти к решительным действиям по защите как населения Донбасса. (на территории которого проживает несколько сотен тысяч российских гражд-

дан), так и своей собственной безопасности. 21 февраля В. Путин подписал указы об официальном признании ДНР и ЛНР, тем самым отказавшись от поддержки уже давно «умерших» по вине Украины Минских соглашений, тщетные надежды на «реанимацию» которых на практике вели к жертвам среди мирных жителей Донбасса. Это, по сути, означало, что отныне Россия рассматривает Украину как агрессора, чья армия вторглась на территории ДНР и ЛНР. Одновременно были подписаны договоры РФ с этими государствами, предусматривающие необходимую помощь, включая военную, в порядке осуществления права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН. Однако обстрелы украинской артиллерией жилых кварталов не прекращались. Активизировались также поставки Украине оружия странами Запада, и эта поддержка, вместе с присутствием натовских инструкторов, по мнению некоторых западных экспертов, создавала у украинских военных необоснованную уверенность в том, «что они смогут сразаться с русскими» [10]. В таких условиях руководство России пришло к выводу, что применение мер военного характера против Украины неизбежно, а их дальнейшее откладывание приведет только к лишним потерям. И тогда, неожиданно даже для многих сторонников признания ДНР и ЛНР, по просьбе этих государств о военной помощи началась специальная военная операция против киевского режима, от которого потребовали безусловного учета интересов России в сфере безопасности, демилитаризации и денацификации украинского государства, обеспечения его нейтрального и безъядерного статуса, а также признания российского суверенитета над Крымом и независимости Донецкой и Луганской народных республик. Таким образом, открытое вмешательство России в конфликт преследовало гораздо более глубокие цели, чем просто «принуждение к миру» киевских властей по грузинскому сценарию 2008 года. Эти цели включали также создание условий для предотвращения попыток нарушения стратегической стабильности, в том числе путем вступления Украины в НАТО или приобретения ею ядерного оружия. Невозможно не согласиться с мнением американского эксперта С. Риттера, что Россия перешла к военным действиям, потому что на протяжении многих лет ее требования попросту игнорировались, и если бы на Западе прислушивались к тому, что говорит Россия, никакого конфликта на Украине не было бы и в помине [10]. Как отмечал еще в 2018 г. известный российский политолог А. Мигранян, «Украина не является экзистенциальной проблемой для США, Украина – экзистенциальная проблема для России» и поэтому «всякий конфликт на любом уровне будет проигран Соединенными Штатами, потому что Россия будет готова на своем заднем дворе использовать любую возможность для того, чтобы защитить там свои жизненно важные позиции» [16]. И теперь Россия участвует в вооруженном конфликте за поддержание стратегической стабильности непосредственно, Запад же никогда на это не пойдет и будет вести военные действия руками

украинцев (которым уготована фактически роль сакральной жертвы), рассчитывая, что они затянутся на годы. При этом американские исследователи М. Фикс и М. Кимидж считали, что для России победа на Украине может принять различные формы: помимо устойчивого урегулирования, она может включать установление послушного правительства в Киеве или раздел страны или даже «поражение украинских военных и переговоры о капитуляции Украины» [13]. Позже эти же авторы пришли к довольно любопытному выводу о том, что даже если Россия проиграет, то победителей в этой войне не будет [12].

Парадокс в том, что для украинской элиты не только «маленькая победоносная война» (которая при существующем раскладе сил исключена), но даже небольшое военное поражение от России может показаться выгодным, т.к. даст ей надежду на получение от Запада экономической помощи, в том числе списания долгов, и дополнительных гарантий безопасности. Так, президент США Дж. Байден уже через три дня после начала военных действий выделил Киеву немедленную военную помощь и анонсировал масштабные санкции против России, альтернативой которым, по его мнению, было бы только начало третьей мировой войны. По тому же пути пошли и союзники США. И в целом именно Вашингтон, по-видимому, рассчитывает стать главным бенефициаром возникшего обострения. Во-первых, появляется возможность переключить социальное недовольство, вызванное надвигающимся экономическим кризисом и другими внутренними проблемами, на Россию в качестве очередного «внешнего врага». Во-вторых, – сплотить Запад вокруг себя на этой же основе. В-третьих – заставить Европу отказаться от дешевого российского газа в пользу сжиженного американского и тем самым снизить конкурентоспособность ее товаров на мировом рынке. И, наконец, – максимально ослабить Россию, чтобы нейтрализовать ее перед тем, как перейти к «выяснению отношений» с главным геополитическим соперником – Китаем. Если руководство США действительно заранее ставило перед собой такие цели, становится понятным его упорное нежелание воспринимать всерьез озабоченности России как в отношении Украины, так и в области стратегической стабильности в целом.

Выводы. Роль Украины в поддержании стратегической стабильности является для России критически важной – в значительно большей степени, чем для Запада, которому она нужна лишь как средство «сдерживания» России. Поэтому в борьбе за Украину Россия продемонстрировала готовность «повышать ставки» до значительно более высокого уровня. В случае успеха специальной военной операции Россия, согласно К. Клаузевицу, «другими средствами» снимет угрозу нарушения стратегической стабильности после того, как эту задачу не удалось решить дипломатическим путем. И тогда предотвращение этой смертельной для выживания человечества угрозы многократно перекроет отрицательный эффект, вызванный неоднознач-

ностью использованных средств с точки зрения формальных принципов международного права. Одновременно это означало бы очередной крупный провал американской внешней политики, связанный с окончательным крахом попыток восстановить однополярный миропорядок. Если же российским войскам не удастся решить поставленные задачи в рамках ограниченной операции, то руководство России окажется перед тяжелым выбором: либо свернуть операцию, не достигнув заявленных целей (что чревато значительным снижением его поддержки внутри страны), либо переходить к полномасштабной войне с еще недавно «братской» страной, не считаясь с потерями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Атанесян Г., Козлов П. «Это не похоже на дипломатию». Что думают эксперты о переговорах России с НАТО // <https://www.bbc.com/russian/news-59964661>.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998.
3. Глава Stratfor Джордж Фридман о первопричинах украинского кризиса: «Интересы РФ и США в отношении Украины несовместимы друг с другом» // <https://www.kommersant.ru/doc/2636177>.
4. Корэйба Я. Проблемы европейской политики в отношениях между Россией и Украиной. М.: Аспект Пресс, 2014.
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
6. Скотт Риттер: Русские ведут борьбу с нацизмом, иначе они просто не могут // https://topcor.ru/24301-skott-ritter-russkie-vedut-borbu-s-nacizmom-inache-oni-prosto-ne-mogut.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D.
7. Colby E.A., Gerson M.S. (ed.). Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2013.
8. Fix M., Kimmage M. What If Russia Loses? A Defeat for Moscow Won't Be a Clear Victory for the West // <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-03-04/what-if-russia-loses>.
9. Fix M., Kimmage M. What if Russia Wins? A Kremlin-Controlled Ukraine Would Transform Europe // <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-02-18/what-if-russia-wins>.
10. Friedman G. Russia and Ukraine: War or Bluff? // <https://geopoliticalfutures.com/russia-and-ukraine-war-or-bluff/>.
11. Friedman G. Ukraine and the 'Little Cold War' // <https://worldview.stratfor.com/article/ukraine-and-little-cold-war>.
12. Majumdar D. Here's What's in Store for U.S.-Russia Relations // <https://nationalinterest.org/feature/heres-whats-store-us-russia-relations-24040>.

V.N. KALITA

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
Department of Public Administration and Social
Technologies, Moscow, Russia*

N.V. OSIPOVA

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
Department of Public Administration and
Social Technologies, Moscow, Russia*

THE ROLE AND PLACE OF UKRAINE IN THE DIALOGUE ON STRATEGIC STABILITY BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

The main purpose of the study is to analyze the situation around Ukraine after the events of 2014 and its impact on strategic stability. Main tasks: to analyze the Donbass conflict and its significance for strategic stability; to determine the role and place of Ukraine in maintaining strategic stability for Russia and for the West; to assess the significance of Russia's special military operation launched in February 2022 on the territory of Ukraine.

Conclusions: Ukraine's role in maintaining strategic stability is much more critical for Russia than for the West. Therefore, in the fight for Ukraine, Russia has demonstrated its readiness to "raise the stakes" to a high level. And now the future of strategic stability depends on the outcome of a special military operation.

Key words: *Russia, the West, Ukraine, strategic stability, the Donbass conflict.*